

что при тщательном их исследовании (декодировании) можно определить психологические характеристики языковой личности: психологический тип, свойства характера, темперамент, внутреннее состояние в момент общения. Можно также выявить социально-культурные аспекты личности: принадлежность к определённой социальной группе, возраст, половые характеристики, профессиональную принадлежность; особенности речевого поведения говорящего субъекта как носителя определённого национального сознания. Причём наблюдения показывают, что основной формой, выражающей индивидуально-характерологические свойства говорящего, являются констатирующие эгоцентрические высказывания. Наиболее релевантными для выявления личностных характеристик в структуре речевого акта оказываются единицы, содержащие в своей семантике эмоционально-оценочные и

эмфатические элементы. Интегрирующим началом для этого класса единиц выступает человек как носитель психологических установок, направленных на самовыражение и воздействие на собеседника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
3. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М.: изд-во МПУ, 1993. 125 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2002. 656 с.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE) // под ред. A.S. Hornby. Oxford: Oxford University Press. V. 1, 2. 1982. 1035 с.
6. Thatcher M. The Downing Street Years. London: Harper Collins, 1993. 914 p.

УДК 81'23

Измайлов А.З.

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства (г. Люберцы)

НЕТРАНСФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ*

A. Izmailov

Moscow State Academy of Communal Services and Construction, Lubertsy

NONTRANSFORMATION MODEL OF SPEECHMAKING

Аннотация. В данной статье рассматриваются такие особенности взаимодействия глубинной и поверхностной речевых структур, при которых трансформационная модель как механизм переключения с поверхностного уровня на глубинный неприменима. Подвергаются обобщению и систематизации различные типы предложений с неоднозначной глубинной структурой. Использование нетрансформационной модели речепорождения в схематическом виде позволяет осмыслить переход с поверхностной структуры на глубинную и наоборот.

Ключевые слова: глубинная структура, поверхностная структура, речевой механизм, разветвленные конструкции.

Abstract. The article analyses such specialties of interaction of d- and s- structures with which the transformation model as a mechanism of switching over from one level to another cannot be used. Different types of sentences with unclear d-structure are being generalized and systematized. Using nontransformation model of speechmaking provides deep understanding of the mechanism of passing from s-structure to d-structure and visa versa.

Key words: d-structure, s-structure, speech mechanism, branched constructions.

* © Измайлов А.З.

Основное положение трансформационной модели заключается в том, что число трансформационных шагов прямо пропорционально возрастанию сложности воспринимаемого конечного предложения, что обусловлено ответным действием по воспроизведению конечных структур последнего со стороны реципиента с использованием «ключей». Однако существуют простые примеры, которые опровергают вышеуказанную зависимость и делают необходимым создание модели независимой ни от трансформационных шагов, ни от метода определения глубинной структуры путем «анализа через синтез» [8, 275].

Модель такого рода была предложена Фодором и Гарретом. Смысл предложенной модели заключается в том, что понимание глубинной структуры происходит перцептивно, без привлечения аналитического метода. Другими словами, сложность восприятия апперцируемого текста, зависит не от количества трансформационных шагов, а от того, насколько поверхностная структура является ключом к определению глубинной структуры. В качестве примера приводятся «пропозиция» [10, 185] *красный дом*. Понимание данной, очень простой, на первый взгляд – поверхностной структуры может быть достаточно сложным для непосредственного восприятия, т. е. без учета необходимых слагаемых любой речевой ситуации, а именно: 1) знания контекста речевого высказывания (фондовый аспект), 2) соотношения данного речевого высказывания с реальностью окружающего мира и с личностью говорящего (когнитивный аспект) и 3) соответствие языковых уровней обоих реципиентов. В то же время развертывание указанного сочетания на глубинном уровне: *дом, который является красным*, воспринимается более доступно, поскольку дает более четкое объяснение референциальных отношений между элементами *дом* и *красный* на синтаксическом уровне.

Итак, можно уверенно сказать, что поверхностное восприятие предложения *Красный дом* не приближает нас к пониманию его смысла, отражаемого в глубинной структуре. Понимание глубинной структуры в данном случае может быть настолько индивидуальным, насколько индивидуальным может быть цветовое восприятие. Нельзя не учитывать и цветовой

символики, присутствующей в конструкциях, сходных с анализируемой, например: *желтый дом* (психиатрическая лечебница), *желтая газета* (т. е. принадлежащая к «желтой» (скандальной) прессе) и т. п.

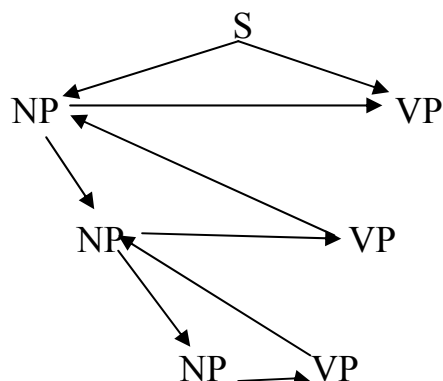
Репрезентативная пропозиция или поверхностное восприятие также не приближает нас к сущности понимания на глубинном уровне и в том случае, если не установлены коммуникативные намерения автора (интенциональная структура высказывания) и/или степень воздействия на адресата (иллокутивная сила высказывания). В своей работе «Язык и лингвистика» Дж. Лайонз приводит в качестве примера следующее предложение: *Пожилой джентльмен часто бродил по улицам города* [5, 210]. Говорящий на русском языке без труда воспринимает значение предложения, строя его на взаимообусловленности синтаксических компонентов, но сущность глубинной структуры или, попросту говоря, смысл высказывания остается для него непонятным. Та ментальная модель, которую выстраивает в своем мозгу слушатель, в смысле конкретизации субъектно-объектного компонента может не совпадать с ментальной моделью отправителя. Итак, для понимания глубинной структуры, в данном случае, необходимо знать конкретно, кто является субъектом (пожилой джентльмен) и что является объектом (город) предложения. Что касается иллокутивной силы, то «основополагающим для высказывания является следующий вопрос: употреблено ли оно с целью произвести утверждение, задать вопрос или отдать приказание» [5, 212].

Еще один пример, используемый Фодором и Гарретом, в качестве демонстрации нетрансформационного моделирования глубинной структуры, это пассивные конструкции, например: *Мальчик был избит мужчиной*. Эта конструкция может другой вид поверхностной структуры: *Мальчик был избит*, в которой отсутствует семантический субъект, т. е. реальный исполнитель действия. Несмотря на то, что последнее предложение синтаксически упрощено по сравнению с первым и имеет всего два члена предложения: подлежащее и составное именное сказуемое, оно представляется более трудным для восприятия. Другими словами, данная поверхностная структура имеет более

опосредованную связь со смысловой глубинной структурой, которая имеет вид действительного залога: *Мужчина избил мальчика* и отражает четкое взаимоотношение субъекта и объекта. Для получения смысловой глубинной структуры из второй поверхностной структуры понадобится большее число трансформаций по сравнению с той, в которой отражены субъектно-объектные отношения. Как известно, пассивные конструкции и прежде всего те, в которых отсутствует семантический субъект (исполнитель действия), используются в английском и русском языках в тех случаях, когда последний либо неизвестен, либо его отсутствие в предложении является намеренным (т. е. отношение к нему со стороны говорящего является негативным или, по крайней мере, индифферентным). Однако, какими бы ни были причины отсутствия семантического субъекта в поверхностной структуре, он обязательно присутствует (подразумевается) в структуре глубинной, поэтому восприятие поверхностной структуры со стороны реципиента предполагает в качестве необходимого условия для моделирования смысла поиск названного семантического субъекта.

С другой стороны, более сложные разветвленные конструкции с различного рода придаточными, имеющими как линейную, так и нелинейную структуру, могут быть более легко воспринимаемы, если в них, помимо ключевых позиций (союзных слов и относительных местоимений) наличествуют дополнительные члены предложения (адъективно-атрибутивные группы), характеризующие номинативные (субъектно-объектные) группы. Дж. Грин приводит в качестве примера следующее предложение: *The shot (which) the soldier (that) the mosquito bit fired missed* (Выстрел, который солдат, которого комар ужалил, сделал, не попал в цель). Приведенный пример представляет собой сложное предложение нелинейной конструкции с двумя определительными придаточными. Сложность восприятия данного предложения заключается в установлении семантико-синтаксических отношений между номинативными группами (NP), которые одновременно выполняют функции субъектов и объектов в предложении, а также между номинативными группами и релевантными им гла-

гольными группами. Схема данного предложения будет отличаться от схемы предложений с ветвлением в правую или левую сторону:

Отсутствие в данном предложении относительных местоимений, являющихся ключевыми пунктами в отделении смысловых отрезков, затрудняет восприятие слушающего. То же самое можно сказать и о наличии в указанном предложении дополнительных адъективных групп (выделены курсивом), которые помогают соотнести номинативные и предикативные группы в семантическом плане: *The first shot that the tired soldier that the mosquito bit fired missed*. Можно предположить, что использование порядкового числительного *the first* и прилагательного *the tired* каким-то образом помогают нам определить взаимосвязь предикативных групп *shot – missed* и *soldier – fired*.

Необходимо упомянуть и о том, что наличие в предложении добавочных прилагательных не только облегчает проблему поиска соответствия номинативных и глагольных групп, но также помогает установить правильную последовательность указанных групп в предложении, соответствующую последовательности действий в темпоральном аспекте. Таким образом, вышеуказанная поверхностная структура может быть представлена следующими тремя составляющими или смысловыми сегментами (С-показателями), имеющими традиционный для английского языка порядок слов SVO:

1) *The mosquito bit the soldier*. Эта первая составляющая отчасти обуславливает наличие дополнительного признака, выраженного прилагательным *tired* во второй составляющей, например: *солдат устал от борьбы с насекомым, солдат устал от боли после укуса* и т. п.

2) The tired soldier fired the first shot.

3) *The (first) shot missed the aim.* Семантика заключительной составляющей обусловлена, в свою очередь, наличием дополнительных признаков (т. е. *tired* и *first*) в двух предыдущих компонентах (т. е. солдат устал и в этом состоянии сделал *первый* выстрел). Включение в состав третьей составляющей объектного компонента (*the aim*) необходимо для выяснения семантического фона целостной поверхностной структуры, потому что можно сказать, что *the soldier missed the shot* и *the soldier missed the aim*.

Отсюда можно заключить, что структуры с вложенными или «гнездящимися» [8, 276] предложениями, подобные продемонстрированной, при воспроизведении глубинных структур используют методы как трансформационного (для уточнения поверхностных структур), так и нетрансформационного (для выяснения субъектно-объектных отношений) моделирования. Другими словами, в данном случае говорящий (реципиент) «не только использует трансформационные операции, а использует свои собственные знания о возможной глубинной структуре, определяя ее при помощи ключей содержащихся в поверхностной структуре» [8, 278].

Ключом к пониманию возможной глубинной структуры может быть как союзное слово, так и (в отсутствие последнего) два стоящих подряд существительных или два глагола, что было продемонстрировано в использованном выше примере.

Помимо отношений субъектно-объектного характера, сложность восприятия глубинного характера предложения зависит также от неоднозначности глаголов, что приводит к двусмысленности. С. Пинкер приводит следующие примеры: *Call me a taxi - OK, you are a taxi* (ср. русск. Вызови мне такси (букв. – назови меня такси) – Хорошо, ты такси). Другой случай взят автором из жизни некоего Дика Грегори, который во времена расовой сегрегации зашел в ресторан штата Миссиссиппи и был встречен репликой официантки: *We don't serve colored people* (русск.: Мы не обслуживаем цветных или букв. – Мы не подаем цветных людей). На что последовала реакция: *Fine, I don't eat colored, I would just like a bit of chicken* [7, 102]. Эта полисемантность глаголов является причиной

возможного выбора развития предложения при развертывании конечной поверхностной структуры.

В качестве примера возьмем следующие предложения: *the photographs we see* и *the photographs we want*. Первое предложение имеет только один возможный вариант продолжения (не в смысле лексическом, а в смысле структурном), который основан на однозначном отношении субъекта (*we*) и объекта (*the photographs*), определяемым узким значением глагола *see*: *the photographs we see are in black and white (in color, decrepit, fabulous etc)* или *the photographs we see have been made by our friend*. Другими словами, в данном случае существует только одна возможность установления связей между субъектом и объектом на уровне глубинных структур. Что касается второго предложения, то здесь, по причине более широких возможностей сочетаемости глагола *to want*, существует более одного варианта развертывания конечного предложения, например: *the photographs we want to see are not available now*. В данной структуре глагол *to want* является составной частью сложного сказуемого и выстраивает однозначные отношения субъектно-объектной группы.

Другим структурным вариантом развертывания начального предложения может быть и следующая конструкция: *the photographs we want you to look at are not available now*. Глагол *to want* здесь уже является самостоятельным глаголом придаточного предложения и имеет направленность на сложное дополнение (*you to look at*), в отличие от первого варианта, где он направлен на подлежащее главного предложения. В результате меняется характер взаимоотношений субъектно-объектной группы (*we - the photographs*) и субъект главного предложения *the photographs* уже не является прямым дополнением для глагола *to want*. То же самое можно сказать и в отношении местоимения *you*, которое не является направленным объектом для глагола *to want* и, соответственно, прямым дополнением для подлежащего *we*.

Главным отличием рассмотренных двух структур заключается в том, что первая, т. е. *the photographs we see are in black and white*, может быть представлена в виде двух отдельных базовых компонентов: *we see the photographs* и *the photographs are in black and white*, которые

посредством выполнения трансформационных действий по перестановке членов предложения (Transformation Grammar) и опущению повторяющихся слов (Transformation Omission) могут быть преобразованы в исходную поверхностную структуру. Что же касается второй структуры, *the photographs we want you to look at are not available now*, то попытка представить ее в виде отдельных смысловых сегментов или базовых показателей (кроме группы главного предложения *the photographs are not available now*) оказывается невозможной, по уже указанной выше причине, которая не позволяет представить объектное местоимение *you* в качестве прямого дополнения.

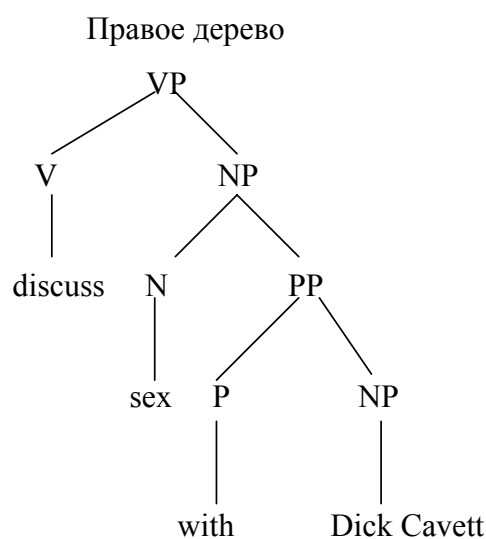
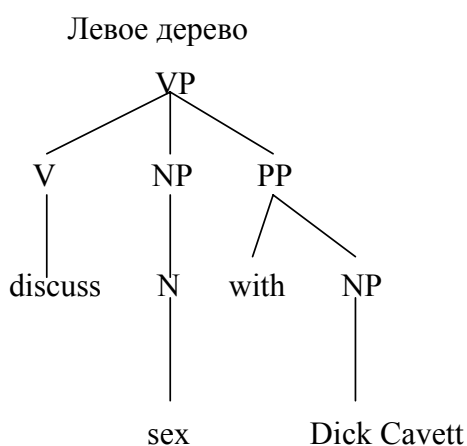
Из вышеуказанных примеров можно сделать вывод, что в случае с первым предложением возможно применение трансформационной модели определения глубинной структуры, в то время как во втором предложении используется нетрансформационная модель с опорой на ключевую позицию (структурно неоднозначный глагол *to want*).

Существует и другой тип структурной неоднозначности, примеры которого находим у С. Пинкера. Этот тип мы назовем *амбивалентным*, по причине двух возможных различий одной и той же поверхностной структуры, например: *Yoko Ono will talk about her husband John Lennon who was killed in an interview with Barbara Walters* (Йоко Оно расскажет о своем

муже Джоне Ленноне, который был убит, в интервью с Барбарой Уолтерс). Проблема понимания предложения в данном случае состоит в возможном соотнесении адвербиальной группы с каждой из глагольных групп. Реципиенту, знакомому с обстоятельствами смерти знаменитого певца, может показаться, что он действительно был убит во время интервью.

Еще один пример синтаксической группы: *discuss sex with Dick Cavett*, в которой то, что подлечит обсуждению – это либо одно слово *sex*, либо указанное слово вместе с предложной группой. Оба варианта представлены на следующих схемах (левое дерево – обсуждается слово *sex*, правое – *sex with Dick Cavett*):

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что взаимосвязь глубинной и поверхностной структур во многом зависит от коммуникативных намерений говорящего и от иллокутивной функции высказывания или, говоря другими словами, от того, что именно хочет сообщить говорящий (информативность), объем передаваемой информации (квантитативный аспект) и от воздействующей силы высказывания (экспрессивность). При этом экспрессивность имеет дело не столько с глубинной структурой высказывания, которая передает смысловое содержание и синтаксическую связь составляющих блоков общей базовой структуры, сколько со структурой поверхностной и находит отражение в эхололических

[7, 90].

структурах, речевых штампах, экспрессивных и бранных словах и т. п. В *поддерживающих* или *продолжающих* речевых актах, о которых мы упоминали ранее, установить взаимосвязь поверхностной и глубинной структур практически не представляется возможным из-за частичного или полного несоответствия семантического содержания и лексико-синтаксического компонента. В качестве примера можно привести следующие высказывания: *Да, конечно. О чем ты говоришь! Не то слово.* Эти и подобные высказывания могут содержать самые разнообразные и противоположные оттенки чувств и состояний говорящего и выражать такие значения, как: Я полностью (совсем не) согласен с тобой. Я считаю, что дело обстоит гораздо хуже даже. Меня нравится (не нравится) твоя точка зрения и т. п.

Использование эллиптических и сокращенных конструкций в поверхностных структурах может использоваться не только в ответных репликах, не имеющих самостоятельного значения, но и в самостоятельных предложениях побудительного свойства, например: *Смотри!* или *Слушай!* Такие конструкции, несмотря на отсутствие в них прямого вопроса, могут содержать в себе имплицитную просьбу ответной реакции: *Ты видишь (слышишь) то, что вижу (слышу) я*, или *Тебе нравится то, что ты видишь (слышишь)* и т. д. С другой стороны, указанные слова могут подразумевать угрозу, предупреждение, нетерпение, раздражение и другие негативные эмоции.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что применение трансформационных моделей подходит для однооднозначных простых и распространенных предложений информативного содержания, не претендующих на оценочность, таких, как *Невидимый Бог создал видимый мир*. Что же касается использования нетрансформационных моделей, то они могут быть применимы в сложных предложениях с

вложенными конструкциями, в предложениях с семантически неоднозначными глаголами, структурно неоднозначных предложениях, экспрессивных конструкциях. Схематическое изображение предложений с нетрансформационным моделированием будет отличаться от предложений трансформационного характера направлением ветвления слагаемых компонентов. Для трансформационных моделей характерно ветвление в правую сторону, в то время как для нетрансформационных моделей характерно ветвление в левую сторону или срединное ветвление.

Таким образом, поверхностная структура далеко не всегда является «ключом» к определению соответствующей глубинной структуры, что особенно справедливо в отношении разговорных конструкций, отличающихся хаотичностью в построении сложных предложений с различными типами придаточных. Это дает основание утверждать приоритетное положение поверхностной структуры как реального высказывания говорящего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука. 1982. 159 с.
2. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Изд-во Флинта, Наука, 2006. 320 с.
3. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 160 с.
4. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 227 с.
5. Мурашов А.А. Личность и речь: Эпоха кризисов. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. 317 с.
6. Пинкер Стивен. Язык как инстинкт. Пер. с англ. В.Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
7. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М.: КомКнига, 2006. 352 с.
8. Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М.: ПЕР СЭ, 2004. 256 с.
9. Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. 288 с.